

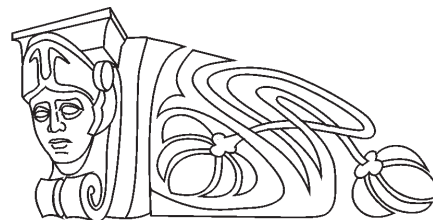

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 349–354
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 349–354
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

Научная статья
УДК 94(262.81+479+477.7)

Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы

А. К. Магомедов

¹Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, ¹главный научный сотрудник, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, ²профессор кафедры теории регионоведения, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Аннотация. Цель данной работы – исследовать способы восприятия и анализа геополитических процессов в Каспийском ареале. В центре анализа – природа интеллектуальных усилий, стоящих за производством знаний и репрезентацией Каспия. Это выводит наше исследование на проблему геополитического позиционирования данного мезорегиона с перспективой выдвижения новой познавательной перспективы. Статья не только вскрывает пагубную природу широко распространенных объяснительных клише в отношении Каспия, но пытается дать ответ на вопрос: имеет ли смысл говорить об отдельном Каспийском регионе? Если да, то в каких терминах и в рамках какой объяснительной модели его можно исследовать? Исходя из геополитического значения региона, данный ареал можно определить как «Большой Каспий», расположенный в центре Евразийского континента. Движущими силами формирования самостоятельного значения данного мезорегиона являются природные ресурсы, торгово-транспортные коммуникации, геополитические драйверы и управление региональными конфликтами.

Ключевые слова: каспийские исследования, объяснительные модели, «Большая игра», «Шелковый путь», репрезентации Каспия, «Большой Каспий»

Для цитирования: Магомедов А. К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 349–354. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Post-Soviet Caspian as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm

A. K. Magomedov

¹Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow GSP-3 125993, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow, Russia

Arbakhhan K. Magomedov, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Abstract. The purpose of this work is to explore the ways of perception and analysis of geopolitical processes in the Caspian area. At the centre of the analysis is the nature of the intellectual efforts behind knowledge production and representation of the Caspian. This brings our study to the problem of geopolitical positioning of this mesoregion with the prospect of putting forward a new cognitive perspective. The article not only reveals the pernicious nature of the widespread explanatory clichés regarding the Caspian, but tries to answer the question whether it makes sense to talk about a separate Caspian region? If so, in what terms and within what explanatory model can it be explored? Based on the geopolitical significance of the region, this area can be defined as the “Great Caspian”, located in the centre of the Eurasian continent. The driving forces behind the formation of the independent significance of this mesoregion are natural resources, trade and transport communications, geopolitical drivers and management of regional conflicts.

Keywords: Caspian studies, explanatory models, “Great Game”, “Silk Road”, representation of the Caspian, “Greater Caspian”

For citation: Magomedov A. K. Post-Soviet Caspian as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 349–354 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Распад СССР положил начало появлению не только новых независимых государств, но также новых стратегически важных регионов на карте Евразии. Одним из тех регионов, который стремительно ворвался на арену мировой политики из состояния забвения, в котором он находился во времена Советского Союза, был Каспийский регион. Возникший из политического хаоса 1990-х гг., он стал наднациональным и стратегически важным ареалом Евразии ввиду обладания большими запасами нефти и газа. Значение Каспийского региона рассматривалось и в контексте его роли в качестве важнейшего звена между Востоком и Западом, а также в контексте нарастающего геополитического соперничества за углеводороды и путей их транспортировки (трубопроводная политика) на мировые рынки между тремя глобальными центрами силы: Россией, США и Китаем. В рамках такого подхода изучалось то, какую политику проводят эти крупные мировые центры силы, чтобы навязать свое политическое влияние и обеспечить экономические выгоды в регионе. Как результат, выработался специализированный жаргон политической экспертизы, который рассматривал Каспийский бассейн как арену силового противостояния ведущих стран мира.

Цель данной работы – исследовать способы восприятия и анализа геополитических процессов в Каспийском ареале. В центре анализа – природа интеллектуальных усилий, стоящих за производством знаний и репрезентацией Каспия. Это выводит наше исследование на проблему геополитического позиционирования данного мезорегиона с перспективой выдвижения новой познавательной перспективы.

Данный аспект обладает, как нам представляется, значительным методологическим потенциалом, связанным с уточнением основных характеристик Каспийского региона. Дело в том, что данный регион до сих пор не типологизирован как новая и стремительно меняющаяся геополитическая единица постсоветской Евразии. В имеющейся научной литературе в центре внимания оказывается активная политическая стратегия национальных государств в получении доступа к источникам энергоресурсов и путям их доставки на мировые рынки [1, с. 144–196]. В более широких геополитических исследованиях он типологизирован то в качестве фрагмента «Большого Ближнего Востока», либо как «евразийские Балканы», территориальным ядром которых стали постсоветские страны Прикаспия [2, с. 73], либо как «нефтегазовая кладовая Евразии» [3, с. 9].

Глобалистская ортодоксия в оценке постсоветских политических процессов в Каспийском регионе

Геополитические исследования (в широком – глобальном – понимании) стали интеллектуальной основой, сформировали облик и научную программу каспийских исследований. Подобно многим авторам, пишущим на геополитические темы, исследователи каспийских проблем, чтобы быть услышанными, зачастую предпочитали заявлять о своих достижениях громким голосом. Однако такое стремление приводило к использованию ярких, но бесплодных эпитетов. За постсоветские десятилетия большинство западных и местных политологов восприняли как аксиому определенный набор трактовок политических процессов, происходящих в государствах и регионах Каспийского бассейна. Такое единодушие в трактовке постсоветских каспийских изменений можно назвать «макrojeополитической интерпретацией», или школой «Большой игры». Сам термин «Большая игра», ставший символом глобалистской ортодоксии, использовался в литературе как научное понятие, объясняющее постсоветские каспийские реалии. Такие усилия, породившие своеобразное стандартизированное повествование, надолго предопределили облик и направление каспийских исследований. Главным образом, потому, что многие ученые и обозреватели восприняли такие интерпретации с подлинным энтузиазмом. Даже спустя много лет, когда интенсивность каспийских исследований, достигшая своего пика в начале 2000-х гг., начала спадать, некоторые исследователи продолжали объяснять политическую ситуацию в Каспийском регионе с помощью метафоры «Большая игра».

Словосочетание «Большая игра», а также часто используемую рядом с ним метафору «Шелковый путь» можно считать самыми распространенными клише в отношении Центральной Азии и Прикаспия. Конечно, это не единственные стереотипы, используемые в отношении этих регионов, но они являются не только наиболее распространенными, но и наиболее пагубными. Согласно этой логике, история Центральной Азии и Прикаспия ассоциируется у непосвященных читателей с двумя характеристиками: 1) регион в течение двух тысячелетий был ключевой частью известного торгового маршрута «Великий шелковый путь», соединявшего Китай с ближними и дальними государствами; 2) в XIX в. этот ареал превратился в военно-дипломатическую сцену столкновения Российской и Британской империй, известного как «Большая игра».

Понятие «Большая игра» сопровождает каспийские исследования с момента распада Советского Союза и выхода Каспийского бассейна в центр геополитической и энергетической конкуренции в Евразии. Оно стало использоваться многими авторами для объяснения процессов, происходивших в постсоветских Центральной Азии и Кавказе. Как отметил известный иранский специалист по Каспию Мехди Парвизи Амине, «с окончанием советского контроля над природными и людскими ресурсами Каспийского региона возникла новая “великая игра” между многими игроками, заинтересованными в доступе к запасам нефти и газа этого ареала» [4, р. 9]. Многие политологи проводят аналогию между соперничеством великих держав за контроль над ресурсами Каспия и «Большой игрой» XIX в. между Британской и Российской империями за доступ к Индии [5]. В связи с этим Лутц Клевеман в своей знаменитой книге «Новая Большая игра»: кровь и нефть в Центральной Азии», поясняет: «Теперь, спустя более ста лет, великие империи вновь встали на путь контроля над сердцем Евразийского континента, оставшегося без хозяина в условиях постсоветского вакуума власти. Сегодня участников геополитического соперничества больше, а правила новой неокOLONиальной игры намного сложнее, чем те, что были столетие назад: США взяли на себя ведущую роль англичан. Наряду с вездесущей Россией новые региональные державы, такие как Китай, Иран, Турция и Пакистан, вышли на новую арену». По его словам, в то время как в викторианскую эпоху Лондон и Санкт-Петербург конкурировали за транспортные пути к Индии, новая «Большая игра» сосредоточена на каспийских энергоресурсах [6, р. 3].

Аналогичным образом состоялся ренессанс понятия «Шелковый путь» после того, как глава Китая Си Цзиньпин в 2013 г., выступая в столице Казахстана Астане, декларировал начало китайского мегапроекта «Один пояс, один путь». Китайский проект охотно позиционируют в качестве преемника древнего «Великого шелкового пути». Однако, как справедливо отметил преподаватель Евразийского национального университета в Астане Александр Моррисон, оба термина являются анахронизмами, которые лишь запутывают, а не объясняют происходящее в современной политике. Поскольку «это не только термины из 19 века, но в действительности современное историографическое изобретение, которое позволяет объединять разные исторические события и рисовать связи там, где их никогда не было» [7].

Однако с момента появления Каспия на геополитической карте Евразии многие исследователи избрали путь приземленного интеллектуального конформизма, с удовольствием повторяя банальные клише о «Большой игре» в регионе. Подобное единомыслие имело отрицательные последствия для каспийских исследований. В рамках подобных исследований недостаточно глубокий региональный анализ часто приводил к поверхностному пониманию всех постсоветских изменений в ареале Каспийского бассейна. Единомыслие «Большой игры» привело к сужению тематического горизонта и невольному подавлению альтернативных трактовок. Оно сделало научные подходы и объяснения жесткими и одномерными. Более того, очень часто основной тезис сводился к преемственности, якобы соединяющей «Большую игру» в интерпретации Р. Киплинга с постсоветской геополитикой Каспия. Конечно, в основе подобных сравнений и трактовок лежал набор шаблонных аргументов. Отмечая определенную справедливость данного вывода, следует все же сказать, что практическое использование, например, термина «Большая (Великая) игра» куда как многограннее, чем это может показаться на первый взгляд. Исследователи предлагают несколько объяснительных моделей и ракурсов интерпретации данного понятия.

Метафора «Большой Игры»: конструктивные ракурсы объяснительной модели

Как уже было сказано, после распада Советского Союза Каспийский бассейн превратился в источник новых нефтегазовых ресурсов, которые преобразили значение этого прежде малознакомого ареала. Конкуренция за доминирование в этом ареале, за контроль над нефтегазовыми месторождениями, трубопроводными направлениями и геополитическим влиянием стала обозначаться как «новая Великая игра». На первом этапе главными соперниками за влияние в Каспийском регионе изображались США и Россия, но со временем к этой «игре» подключились и другие участники: Евросоюз и Китай. Несмотря на то что существует очевидная конкуренция между основными участниками каспийской политики, ученые формулируют четыре точки зрения на то, что называют «Большой игрой». *Первая точка зрения* заключается в том, что регион является ареной столкновения интересов только крупных политических игроков, таких как Россия, США, Китай, Евросоюз и Индия. Сторонники этого подхода инструментализировали данную метафору, приспособив ее для объ-

яснения многосторонних отношений в регионе [8, с. 279–286]. *Вторая позиция* заключается в том, что Каспийский регион является ареной не одной «игры», а нескольких малых «игр», в которые вовлечены не только великие державы (США, Россия и Китай), но и региональные силы (Евросоюз, Турция, Япония, Южная Корея) [9]. *Третью точку зрения* поддерживают ученые, считающие, что политическая динамика на Каспии не является ни «Большой игрой», ни совокупностью «малых игр». Здесь присутствует, скорее, борьба за баланс сил в сочетании с ростом мощи самих каспийских государств, которых не следует сбрасывать со счетов. По этой причине великие державы не могут навязывать свои правила прикаспийским странам в одностороннем порядке. Напротив, государства региона могут подталкивать великие державы к конкуренции друг с другом и тем самым ограничивать их влияние [10]. Специалисты, разделяющие *четвертую точку зрения*, считают, что в отношении каспийской политики нельзя ограничиваться рассмотрением возможностей великих держав и полномочий каспийских государств. Каспийский анализ должен включать в себя роль международных организаций и транснациональных корпораций, которые рассматриваются как самостоятельные игроки каспийской политики [11].

Таким образом, приведенные точки зрения, если убрать их избыточную метафоричность, содержат полезные идеи. Нельзя отрицать ни того, что Каспий стал регионом острой международной конкуренции и дипломатического маневрирования, ни того, что сами каспийские страны стали стратегическими игроками, ни того, что разные игроки региональной политики имеют разный потенциал и возможности в достижении своих целей. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что одни субъекты каспийской политики имеют возможность добиться большего доступа к ресурсам, чем другие, одни государства будут победителями, а другие – проигравшими.

Как было показано, в рамках теории «Большой игры» время от времени рождались дискуссии о второстепенных сюжетах, акцентах и позициях, но в конечном счете и они оказывались направленными на закрепление подобного единомыслия. Таким способом, из анализа исключались важные политические интересы и стимулы, оказывающие влияние на формирование Каспийского региона: взаимодействие национальных, региональных, локальных факторов, борьба групп, идей, сепаратистских образований как в России, так и в странах Южного Кавказа.

Дело здесь не в том, что фразы «Шелковый путь» и «Большая игра» являются терминами западного происхождения, «изобретенными» в Европе в XIX в., и даже не в том, что у этих словосочетаний нет глубоких корней в культуре и языках народов Средней Азии. Главное заключается в том, что оба термина в одинаковой степени игнорируют местные условия, интересы жителей региона, суверенитет каспийских государств. Прикаспийским странам, их лидерам, народам и общинам отводилась роль лишь пассивных зрителей на колоритной геополитической сцене, где действуют сменяющие друг друга великие державы. Современная политизация термина «Шелковый путь» и его злоупотребление со стороны КНР становится способом оправдания ресурсных и экономических проектов в регионе Каспия – когда агрессивное экономическое наступление Китая облекается в attractive историческое оформление, связывающее современный проект Поднебесной с метафорой «Шелковый путь». Однако, вопреки этим риторическим построениям, среднеазиатские общества все чаще выступают с антикитайскими протестами, направленными против аренды земли иностранцами. Проект Поднебесной все чаще подвергается критике из-за того, что китайские инвесторы не соблюдают трудовые права, экологические нормы и не учитывают мнение местного населения. Все это говорит не только о том, что страны Центральной Азии, не имея военно-политических и экономических возможностей, сравнимых с возможностями России, Китая и США, тем не менее, заставляют великие державы учитывать локальные интересы и региональные правила.

Концепт «Большой Каспий» как новая исследовательская перспектива

Для того чтобы уйти от пагубных стереотипов и клише, необходимо выработать новую исследовательскую парадигму в отношении того, что мы называем Каспийским регионом. Хотя с момента распада СССР прошло почти 30 лет, район Каспийского моря все еще находится в процессе изменений и геополитической трансформации.

Здесь следует уточнить вопрос: имеет ли смысл говорить об отдельном Каспийском регионе? Если да, то в каких терминах и в рамках какой объяснительной модели мы можем исследовать его, не впадая в облегченные трактовки? Сегодня, когда регион претерпел так много изменений, когда он стал перекрестком многих стратегически значимых процессов, я предлагаю другое объяснение места и роли

Каспийского бассейна в постсоветских геополитических условиях, вырабатывая в качестве познавательного инструмента концепт «Большой Каспий».

Каспийский регион меняется стремительным образом. Ключевыми драйверами данных перемен становятся транспортные мегапроекты и формируемые ими торговые пути, инфраструктурные системы и транзитные коммуникации. Китайский мегапроект «Один пояс, один путь», один из масштабных планов в современной истории, формирует новый облик Евразийского континента в атмосфере быстро меняющегося мирового порядка. Строительство транспортных коридоров с энтузиазмом обсуждается на всех уровнях заинтересованными государствами, а также в деловых и культурных кругах. Страны Каспия готовы включиться в этот проект для того, чтобы получать выгоду от грузовых перевозок, которые пойдут по этим маршрутам. Транспортные коридоры уже преобразуют регион Каспия. Проект «пояса и пути» воздвигает на пьедестал геополитическое положение Каспийского региона в качестве коммерческого узла с системой возводимых с нуля торговых путей и портовой инфраструктуры.

Каспийские государства превращаются в значимых игроков текущих геополитических процессов. В течение постсоветских десятилетий страны Каспия обрели силу и уверенность. Об этом свидетельствуют такие события, как строительство нефте- и газопроводной системы, выводящей нефть и газ региона на мировые рынки, события последней карабахской войны осени 2020 г., превратившей Азербайджан в региональную военно-политическую силу, и т. д. Движущими силами формирования сегодняшнего облика ареала стали: природные ресурсы, торгово-транспортные коммуникации, геополитические драйверы и управление региональными конфликтами. Исходя из геополитического значения региона, данный ареал можно определить как «Большой Каспий», расположенный в центре Евразии, вокруг которого расположены такие экономически и политически значимые макрорегиональные единицы, как Ближний Восток, Европа, Южная и Восточная Азия.

Географически Каспийский бассейн состоит из пяти прибрежных государств. Однако в геополитическом смысле очень трудно ограничить регион этими пятью государствами. Некоторые ученые применяют термин «Каспийский регион» не только в отношении областей Центральной Азии и Кавказа, но включают в этот регион Пакистан, Афганистан и даже Ближний Восток [12, с. 194]. В отношении изучаемого ареала вполне оправдана следующая геополитическая логика.

В географическом и картографическом плане Каспийский регион создается вокруг внутреннего морского водоема, по берегам которого расположены пять независимых государств. Однако если следовать более широкому геополитическому измерению, то под Каспийским регионом подразумевается геология обширных нефтегазовых ресурсов. Этот факт привел к восприятию данного ареала как территории, невероятно богатой энергетическим сырьем, значение которого возрастает не только для прибрежных стран, но и соседних государств. Результатом является появление нового стратегического региона, охватывающего большую часть Центральной Азии, Северного Кавказа и Закавказья, а также таких прилегающих государств, как Турция, Иран, Афганистан и даже Китай.

Здесь необходимо привести весьма полезную историческую дискуссию на эту тему. На рубеже XX–XXI вв. российский историк В. Максименко опубликовал работу «Центральная Азия и Кавказ: основания геополитического единства». В ней он проследил историческую ретроспективу и геополитические основания единства двух территорий, соединенных бассейном Каспийского моря. Нельзя сказать, что до этого не предпринимались попытки объединить эти ареалы в одну геополитическую единицу. Весьма специфическим образом это сделали в 1990-е гг. западные геостратеги. Они охотно использовали термин «евразийские Балканы» как синоним постсоветских прикаспийских государств для обозначения территориального ядра этой новой геополитической номинации. Как заметил В. Максименко, не только стремление к «гегемонии нового типа, продиктованное международной конъюнктурой 1990-х гг., но и геополитическая мысль на заре своего возникновения сближала и объединяла кавказский и центральноазиатский регионы», лежащие по обе стороны Каспийского водоема [2, с. 70–71].

Список литературы

1. Магомедов А. К. Каспий на геополитических трассах Северной Евразии : энергополитическое. и транспортное измерение на рубеже 20–21 столетий. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2018. 242 с.
2. Максименко В. Центральная Азия и Кавказ : основания геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 69–80.
3. Гусейнов В. А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М. : Олма-Пресс, 2002. 314 с.
4. Amineh M. P. Globalization, Geopolitics and Energy Security in Central Eurasia and the Caspian Region. The Hague : Clingendael International Energy Program, 2003. 197 p.

5. *Smith J.* The Great Game, Round Three // The Journal of International Security Affairs. Fall 2009. № 17. URL: <http://www.securityaffairs.org/issues/2009/17/smith.php/> (дата обращения: 12.10.2020).
6. *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York : Grove Press, 2004. 113 p.
7. *Моррисон А.* Центральная Азия : «Великий шелковый путь» и «Большая игра» – лишь мифы, далекие от реальности // EurasiaNet. USA. 2017. 26 July. URL: <https://Russian.eurasianet.org/node/64596> (дата обращения: 30.10.2020).
8. *Kim Y., Indeo F.* The new great game in Central Asia post 2014: The US “New Silk Road” strategy and Sino-Russian rivalry // Communist and Post-Communist Studies. 2013. Vol. 46, iss. 2. P. 275–286. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2013.03.005>
9. China and India in Central Asia. A New “Great Game”? / eds. M. Laruelle, J. Huchet, S. Peyrouse, B. Balci. Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2010. 310 p.
10. *Blank S.* Whither the New Great Game in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2012. № 3. P. 147–160. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2012.03.005>
11. *Molchanov M., Yevdokimova Y.* Regime Building as a Prime Mover of Technological Progress: The Energy Sector in the Central Asia – Caspian region // Perspectives on Global Development and Technology. 2004. Vol. 3. P. 417–435. <https://doi.org/10.1163/1569150042728866>
12. *Sasley B.* The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns / ed. by L. Tchamouridze. Winnipeg : Center for Defense and Security Studies, University of Manitoba, 2004. P. 193–208.

Поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 10.06.2022